

М. ГОРЬКИЙ

Вячесл<ав> И<ванович> Иванов

Прежде всего — любезен. Сановно любезен, как маркиз. И — ножки дрожат. Преждевременно и жалко стар. Щедро говорит комплименты, но так как они не оригинальны, то — кажутся неискренними¹. Словоотчив. Иногда говорит весьма странно:

— Во второй раз я женился на падчерице из любви к ее умершей матери.

Хотелось бы знать мнение падчерицы по этому поводу².

Непререкаемо уверен, что он «столп и утверждение истины»³. Прекрасно изучил все изгибы реакционной мысли, впрочем — нехитрые. Жозефа де Местр считает гением. Об успехах России — по эмигрантскому канону: «Потемкинские деревни» и прочее в этом роде. Я ожидал, что он остроумнее.

Долго говорил о своем «антропомонизме», о том, что человечество, невзирая на различия племен и рас, в сущности своей — один человек⁴. Мысль — параллельная гипотезе биологов о единой клетке, праматери всего живого. На мой взгляд, он выворачивает Ницше наизнанку, см. «Диониса» его⁵. Много из своих мыслей о «соборности», «хоровом начале» он, видимо, уже забыл или запутал.

Потеряв веру, не утратил механической привычки веровать. В театре. Негритянка. Армандо Жиль⁶.

Не блестяще, но Иванов любезно делает вид, будто все это нравится ему. Утомлен. Дремлет. И вдруг:

— Вы [меня] чувствуете меня?

— ?!

— Скажите: могу я написать повесть, роман?

- Вероятно, это будет очень трудно для Вас.
- Все-таки благословляете? — ?!
- Тогда — дайте мне тему: подумайте и дайте.

Вероятно, — это он шутил? ⁷

Нашел, что герой моего рассказа «Голубая жизнь» страдал болезнью «Dementia praecox»⁸. Его похвалы [мне] были чрезмерны.

